
ТАЙНЫ ФРАНЦУЗСКОГО ДВОРА
ЗАМОК ВЗДОХОВ
КОРОЛЕВСКАЯ ПТИЧНИЦА
КНИГА 1
ИЗАБЕЛЬ ДЮКЕНУА
18+

Документальный fiction

Изабель Дюкенуа

Замок вздохов. Королевская птичница. Книга 1

«Азбука»

2024

УДК 821.133.1-311.6
ББК 84(4Фра)-44

Дюкенуа И.

Замок вздохов. Королевская птичница. Книга 1 / И. Дюкенуа — «Азбука», 2024 — (Документальный fiction)

ISBN 978-5-389-34796-0

В 1786 году юная Лизелотта, чтобы избежать позора, выходит замуж за старого барона де Бопре. В его холодном замке ее единственная отдушина – причудливый мир экзотических птиц, которых барон разводит с маниакальной страстью. Но после его внезапной смерти хрупкий мир Лизелотты рушится: она остается без гроша за душой. Как далеко она готова зайти, чтобы из пленницы обстоятельств превратиться в хозяйку своей судьбы?

УДК 821.133.1-311.6
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-34796-0

© Дюкенуа И., 2024
© Азбука, 2024

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 14
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Изабель Дюкенуа
Замок вздохов. Королевская птичница. Книга 1

В память о Ларе,
зеленом попугае, прожившем тридцать семь лет,
который принес мне столько же счастья,
сколько и шрамов на руках

Серия «Документальный fiction»

Isabelle Duquesnoy
L'Oiseleuse de la Reine
Le Château des soupirs

Перевод с французского *Марианны Кожевниковой*

© Éditions du Seuil, 2024
© Кожевникова М. Ю., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
КоЛибри®

На страницах этого манускрипта – история моей жизни.

Вы держите его в руках, потому что не поленились обшарить чердак замка, который был когда-то моим. Хотя, впрочем, замки не бывают чьими-то, они принадлежат истории. Но дают нам кров, требуют от нас жертв, достаются старшему сыну и порой ложатся невыносимой тяжестью на его плечи.

Если возникшие позже постройки не уничтожили парк, вы найдете в глубине его, за деревьями, мою могилу и на ней крест с двумя мраморными павлинами. Орешник, что простер ветви над моим надгробием, был посажен в 1789 году, как раз перед бунтом оголодавшего народа. Это дерево дает урожай в октябре, роняя треснувшие орехи.

Мне хотелось бы набраться мужества и сжечь эту исповедь, никого не допустив в жизнь своего сердца, оставив в тайне недозволенную любовь и непростительные грехи. Но мне не хватило смелости сделать это, раз она сейчас перед вами.

Однако из царства теней я прошу: не публикуйте эти записки, не читайте их вслух даже в частной гостиной. И умоляю вас, Незнакомец, проследите, чтобы они не послужили бесчестью моих потомков и всех тех, кто был мною любим. Я порой и впрямь поступала вопреки законам того века, которые, ничего не позволяя женщинам, карали их за все.

Вы, возможно, купили мой замок, так будьте в нем богаты и счастливы. Приходите иногда на мою могилу и кладите на надгробную плиту цветок, и я буду знать, что вы помните о той, что жила здесь раньше вас. Или вы только случайный посетитель? Докучный любопытный, заглянувший в щель приоткрывшихся ставен? Покидая этот дом, опасайтесь ловушек, затаившихся в густой траве: они жадны до добычи не меньше, чем человеческая душа.

Лизелотта К. де Б.

Глава 1

Клетка без птицы цены не имеет.
Персидская поговорка XVIII века

Священник благословил наше супружество, а мы так не подходили друг другу, что приглашенные нами гости, сидящие на церковных скамьях, прикрывали улыбки кружевными манжетами.

– Повезло, однако, старому борову.

– Тсс…

– Но ведь смотреть противно!

Противно – я и сама это знала. У нас за спиной скрипели два ряда стульев – мужчины сожалели, что не могут принять в объятья меня вместо своих толстых жен-мещанок, а женщины заранее оплакивали мою обреченную на погибель невинность.

Мне исполнилось двадцать два, я осталась сиротой, и мое голубое платье с фижмами было настолько скромным, что казалось оскорблением моему богатому жениху пятидесяти одного года от роду. Пожелав все же потешить свою гордыню, жених перед венчанием надел мне на шею жемчужное ожерелье в три ряда и чепчик из голландских кружев. Чепчик спрятал мои длинные волосы, которые я ни разу не подстригала, хотя в этом, 1786-м, году пришла мода на локоны и букли.

Грусть на моем лице можно было объяснить скорбью по недавно умершим родителям, но я горевала и о своих разбитых надеждах. Горьким открытием стало для меня равнодушие моего старшего брата к нашей общей с ним утрате.

Да, у меня был брат, и я надеялась, что он станет моей защитой, опорой и покровителем.

Какой же я была глупой и наивной.

Всего несколько недель тому назад мои родители, Филипп и Розали Люссан, люди весьма скромного достатка, сидели за ужином и наслаждались омлетом с грибами. Мариэтта, наша старая верная служанка, сама собрала эти грибы и хвалилась их не подлежащей сомнению свежестью. Но вот беда, она перепутала сморчки с их двойниками. Первые были вкуснейшим лакомством, вторые – смертельным ядом[1].

[1] Называемые строчками грибы, двойники сморчков, содержат вещество, которое входит в состав ракетного топлива. Трудно поверить, не так ли? Монометилгидразин, находящийся в этих грибах, сначала вызывает жестокие боли, а потом отправляет человека на тот свет. – *Здесь и далее – примеч. автора, если не указано иное.*

Мне с детства был отвратителен запах яиц, я не переносила его и попросила подать суп из портулака в мою комнату. Жак, мой старший брат, лакомился обычно прелестями шлюшек и возвращался домой не раньше полуночи.

На рассвете маленький – всего-то из семи комнат – домик Люссанов содрогнулся от вопля служанки: она открыла ставни в спальне хозяев и обнаружила на постели два посиневших трупа. Вопль Мариэтты разбудил меня. Увидев, как она несется вниз по лестнице, словно за ней гонится сам дьявол, и зовет на помощь, я ничего не могла понять.

Брат, войдя в спальню, поначалу растерялся не меньше меня, но затем мигом взял все в свои руки, не проявив ни малейших признаков горя. Признаюсь, в ту минуту, глядя на его деловитое равнодушное лицо, мне показалось, что он, возможно, хотел смерти наших родителей и даже имел к ней отношение.

Я тогда еще не знала, что виновницей трагедии была одна Мариэтта, правду она открыла мне много лет спустя.

Брат взял ножницы и, склонившись над покойниками, разрезал на батюшке ночную рубашку, сказав, что должен осмотреть рану или, возможно, пятна на коже от мышьяка.

– Жак, не надо! – рыдала я. – Ни к чему не прикасайся! Нам лучше вызвать жандармов.

– Я и есть жандарм, дура!

Опытному взгляду Жака хватило нескольких минут, чтобы определить: причиной смерти явилось отравление. Он выпрямился и натянул простыню на тела умерших. Мариэтта снова появилась на пороге спальни, и он ее отослал, прикрикнув:

– Хватит нюнить! По-моему, они не твои родители! Бегом за кюре[2], и посмей мне хоть на секунду задержаться!

Счастливая, что избежала подозрений молодого хозяина, Мариэтта утерла передником слезы и побежала со всех ног за кюре. Много лет спустя она мне рассказывала, что, пока спешила к дому священника, все думала, что же так иссушило сердце Жака, мальчика, которого она выкормила собственной грудью и утешала, когда он просыпался от ночных кошмаров.

– Месье кюре, – заговорила она, прибежав к священнику. – Какое же у нас несчастье… Меня послали к вам месье Жак и мадемуазель Лизелотта, потому что родители их умерли.

– Неужели? – удивился кюре, потирая подбородок. – Неужели оба сразу?

– Да, – заплакала Мариэтта. – Этим утром я открыла ставни, чтобы разбудить хозяина и хозяйку и – нате вам! – лежат такие скрюченные, страшные, как два черта!

Кюре сердито нахмурился:

– У них что, появились рожки?

– Нет.

– Копыта и хвосты?

Мариэтта замотала головой – нет-нет-нет!

– Ну так, значит, они выпили капель, купленных у разносчика, – заключил кюре. – Стали жертвами мошенников, которые обещают чудеса, а сами продают всякую гадость.

– Ничего подобного, – не согласилась простодушная Мариэтта. – Вчера вечером я готовила им ужин, подала омлет и г…

Вот тут-то служанка и прикусила язычок.

– Груши? – переспросил кюре. – Да что это я? Горячие каштаны! Слушай, Мариэтта, как только мы приедем, ты мне дашь большую пригоршню хорошо прожаренных каштанов.

Кюре больше не медлил, надел шляпу с большими полями и помог Мариэтте усесться рядом с ним в тележку. По дороге служанка все плакала и утирала слезы платочком, который от слез стал совсем прозрачным.

---

[2] Кюре – католический приходской священник. – *Примеч. ред.*

– Послушай, – сказал ей кюре, который не отличался большим терпеньем, – осуши слезы. Все мы знаем, что твои хозяева были скупердяи и давным-давно не платили тебе жалованья. Но поверь, задолжали они, а заплатит тебе Господь.

Мариэтта высморкалась, да так, что чуть мозги не потекли, и степенно ему возразила:

– Кабы Господь все долги платил, не ходили бы вы в битой молью сутане.

Не столько печалили нашу служанку месяцы без оплаты, каковую мои родители забывали ей вручать – по своей темноте она и сосчитать не могла ни месяцев, ни причитающихся ей денег, – сколько она боялась обвинения в убийстве: мол-де, так она поквиталась с ними за их долг перед ней, и теперь Жак засадит несчастную в тюрьму до конца ее жалких дней.

Мариэтта, как и все те, кто также находился на самой нижней ступеньке лестницы служащих, не умела ни писать, ни считать, но при этом не была лишена житейской смётки. Служанка сразу сообразила, что кюре ей нужен в качестве союзника. Она едва не проговорилась, почти выговорив «г… грибы», и теперь ей надо было как-то похитрее вывернуться. Мариэтта положила опухшую от стирок руку на рукав кюре и сказала:

– Прокляните меня, месье кюре, потому как нет у меня каштанов вас угостить. Подавала я им горячую козлятину.

Простодушие старушки не оставило равнодушным кюре, и он одарил ее покровительственной улыбкой.

– Козлятину? Да она же воняет! Теперь я не удивляюсь, что хозяева тебе не платили: не было за что. Ладно, ты угостишь меня стаканчиком домашнего винца. А то я не уверен, что молодой твой хозяин догадается это сделать.

Все это в подробностях рассказала мне Мариэтта, не простив до конца своей жизни кюре за мнение о ее кулинарных талантах.

Жак договаривался об отпевании и похоронах и грызся из-за каждого су. Никакого черного покрывала на дверях церкви, и свещеносцев как можно меньше, а органист и вовсе не нужен – наши родители никогда не любили музыки.

– На похоронах и от дождя уныния хватит, спасибо небесам за эту услугу, а платить кому-то лишнее я не собираюсь, – вот чем закончил разговор с кюре мой брат.

Жак тщательно изучил счета покойного отца, вывернул все ящики в поисках ключа от секретного сундучка, но единственная связка ключей, какую он нашел, допустила его к шкафу с провизией – запасам сахара, растительного масла, муки и другим продуктам, которые обычно доставались нам по капле и по щепотке, а потом снова запирались на два оборота.

Наконец с моей помощью в глубине одного из ящиков отцовского бюро брат нашел пачку деловых писем. Полагая, что отец давал своим знакомым в долг в трудные для них минуты весьма значительные суммы, Жак рассчитывал предъявить им эти письма и сразу же получить деньги обратно.

– Жалкие уродцы мигом раскроют кошельки и вернут мне долги, – рассуждал он. – Постыдятся спорить со мной на церковной паперти. А я не премину тут же потребовать проценты!

Я покорно выслушивала планы Жака, которым он так радовался.

Брат не пролил ни единой слезинки с тех пор, как мы с ним осиротели, и ни разу не проявил сочувствия к моим горьким слезам. Однако, прочитав семейную переписку, он опустился на стул и сжал голову обеими руками.

– Я ошибся, – произнес он мрачно. – Растаяли денежки, на которые я рассчитывал. Отец, оказывается, играл по-крупному, и боюсь, что после похорон меня окружит толпа кредиторов. Можешь себе представить, какой это будет позор? Нет, конечно, не можешь. Женщины ни бельмеса не смыслят в делах, потому и не получают никакого наследства. Ладно… Объявлю, что родители скончались от заразной болезни. Тогда и на похоронах будет меньше народу, и

понятно станет, почему мы их так поспешно хороним. Не желаю на выходе из церкви повстречаться с шакалами.

Так все и вышло – кое-как, небрежно, на скорую руку, обошлись даже без похоронной процессии. Жак солгал о причине двойной скоропостижной смерти, и многие прихожане церкви побоялись заразы и не пошли провожать катафалк до кладбища. А дождь и липкая грязь на дороге отпугнули и тех немногих наших близких, кто знал, что никакой заразы нет.

– Приходится думать о здоровье, – объяснял Жак тем, кто удивлялся сокращенной церемонии. – Я теперь в ответе за божью душу, мою дорогую сестрицу Лизелотту.

При этих словах Жак опускал мне на плечо тяжелую руку, подтверждая свое исполненное добродетели намерение, и соседи очень его одобряли.

По возвращении в наше скромное жилище Жак распорядился принести два стакана и бутылку рябиновки[3] из отцовского погреба. Он налил мне наливки, попросил сесть с ним за стол и отослал Мариэтту на весь вечер.

– Иди куда хочешь! – приказал он служанке и помахал рукой, как будто отгонял от себя надоедливую муху. – Оставь нас вдвоем! Нам с Лизелоттой нужно спокойно побеседовать.

Я не привыкла к доверительным беседам со старшим братом и невольно стала обеими руками поправлять оборки черного шерстяного платья. Мне подумалось, что наконец-то я смогу дать волю своему горю.

– Какой грустной будет для нас теперь гостиная! – всхлипнула я, машинально вынимая из ушей сережки с шариками из гагата[4], еще недавно принадлежавшие нашей матушке.

Жак протянул руку, и я доверчиво положила в нее сережки, не понимая, что больше никогда их не увижу.

– Что ж, – сказал он, поудобнее устраиваясь в папином кресле, обитом дешевым кремовым бархатом. – Я, будучи твоим братом, всегда смотрел на тебя как на ребенка и сожалею, что ни разу не сказал ни одного комплимента юной девушке-красавице, какой ты стала.

Я была польщена и смущена его похвалой и опустила глаза.

– Доброта твоего сердца, мягкость нрава не уступают красоте твоих золотисто-карих глаз, длинных темных ресниц и вьющихся от природы волос. Я внимательно наблюдал за тобой: каждое твое движение исполнено изумительной грации, ты живая, веселая, с чувствительной и отзывчивой душой. Несмотря на или благодаря всем этим достоинствам… В общем, я даю тебе время на размышление до ближайшего воскресенья. Ты должна принять решение.

– Какое еще решение? – удивилась я и пригубила из стакана наливку.

– Ты же не ребенок, не так ли?

– Конечно нет! Мне скоро исполнится двадцать два года. И родители, как ты помнишь, обещали мне поездку в Англию на мой день рождения. Как мне жаль, что небеса распорядились иначе.

Я высморкалась. Брат нашел, что сморкаюсь я слишком громко, – он почитал себя знатоком хорошего тона.

– Тебе нужно заняться своими манерами, ведешь себя как деревенщина, – сказал он раздраженно, – но я хотел поговорить с тобой не об этом.

– Я слушаю тебя, Жак, – ответила я, пряча носовой платок за манжетку, отделанную кружевом.

– Пожалуйста, не прерывай меня.

– Конечно, я не буду те…

---

[3] * Наливка, получаемая путем брожения красных горьких ягод, имеет неприятный вкус.

[4] Гагат – камень черного цвета, который носили в качестве талисмана еще в доисторические времена. Полагалось, что в виде ожерелья или серег он хранит от насилия, болезней и злых сил. Он также считался подходящим для ношения в период траура.

– Помолчи! Как ты могла заметить, я внимательно изучил бумаги отца, – продолжал он, – и поговорил с нотариусом. Я постараюсь уберечь наш дом от постыдной продажи. Но придется рассчитать Мариэтту.

– Но она же была твоей кормилицей! Баловала тебя, как принца! Ты для нее как сын. Если ты прогонишь ее, она умрет от горя…

Жак приподнялся в кресле:

– Чижик безмозглый! Думаешь, мне Дух Святой поможет расхлебаться с таким наследством? Буду жить-поживать, ничем не жертвуя? Да мне придется запереть спальни наверху, задернуть шторы, накрыть простынями мебель и жить отшельником в двух комнатах, экономя на дровах для камина!

– Мы могли бы найти жильцов, – предложила я. – Или пускать к себе ночевать проезжающих.

Жак пожал плечами:

– На свой оклад в жандармерии я не смогу им предложить даже охапки сухих поленьев зимой. Нет, нет… Я хорошенько все обдумал: хозяина постоялого двора из меня не выйдет.

– Но я же буду тебе помогать!

Жак криво усмехнулся уголком рта:

– А что ты умеешь делать? Все, что навышивала для приданого, и то продырявилось.

– Ты ко мне несправедлив. Вышивки проела моль!

Брат издевательски засмеялся:

– Извини, пожалуйста, я забыл, что твое приданое лежит в комоде уже шесть лет и никак жениха не дождется. А теперь подумай и скажи: ты готова терпеть приставания клиентов?

– Ради тебя я готова на любые жертвы.

– Даже на то, чтобы мужланы запускали лапы к тебе в корсет и отвешивали сзади шлепки по юбкам. Готова?

– Вообще не очень…

– Потому я и даю тебе время подумать до воскресенья, пятнадцатого октября: или ты выходишь замуж, или отправляешься работать к одной из моих приятельниц. У меня нет средств, чтобы содержать еще и тебя. Я намерен и дальше жить своей мужской жизнью, и не бабьим хотелкам ей мешать.

Я заплакала еще горше:

– Дня не прошло, как мы похоронили родителей, и ты выгоняешь меня из дома.

– Я тебя пристраиваю, – сказал Жак, подняв указательный палец, что выглядело угрозой. – В твоем возрасте наша матушка уже дала жизнь двоим детям. Так что возьмись за ум и как можно скорее, потому как возможность рожать детей, которая может сделать из тебя уважаемую женщину, не вечна. Пройдет немного времени, и ты станешь морщинистой, как печеное яблоко.

Жак откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Я почувствовала отчаяние: стало понятно, что судьба моя решена. Брат не видел, как я неверными шагами направилась к двустворчатой двери гостиной, но, должно быть, услышал шорох моего платья по паркету и очнулся от подобия забытья.

– Я не закончил разговора, – произнес он и хозяйским жестом указал мне на стул.

У меня подогнулись колени, и я, не дойдя до стула нескольких шагов, присела на скамеечку возле камина.

– Моя приятельница готова нанять тебя с понедельника, – сообщил Жак, не глядя в мою сторону. – Но если ты выбираешь замужество, то один из моих высокопоставленных знакомых женится на тебе, как только я буду готов дать свое согласие.

– А мое согласие?

– Без твоего мы обойдемся, дорогая. Твое приданое ничтожно, если не сказать, что его вообще нет. И это лишает тебя права морщить нос перед мужчиной, который спасет твою задницу от бесчестья. Он барон.

Я подняла голову повыше. Перспектива получить скромный дворянский титул сулила мне более светлое будущее, чем работа служанки. Мои родители никогда не метили так высоко, мы были из простых, а всем известно, что дворяне женятся на дворянках, чтобы сохранять свои привилегии и приумножать богатство. От такой неожиданной возможности я немного растерялась. Наконец-то для меня забрезжило что-то утешительное.

– Барон? Самый настоящий?

– Дворянин из провинции, достаточно богатый, чтобы ты распрощалась со своими плебейскими ухватками. У него солидные доходы, и он обеспечит тебя всеми финтифлюшками, в каких тебе не отказывал наш отец. Впрочем, отец поступил бы гораздо разумнее, если бы приучил тебя обходиться без подобной дури, которая нам не по средствам.

Жак снова меня обидел, и все же мне стало немного легче. Стакан с наливкой стоял рядом на низком столике, я взяла его и осушила одним глотком, и – скорее, скорее – замахала веером.

Жак взглянул на меня с удивлением. Откуда ему было знать, что мы вдвоем с Мариэттой, когда родители уезжали на две недели, а то и больше, уже выпили не одну бутылку вина?

Отец у нас был архитектором и считал для себя долгом и честью наблюдать за строительством своих детищ. Нередко ему приходилось переезжать из одного конца страны в другой, туда, где начиналась новая стройка, и он, утомленный кочевой жизнью, призывал к себе жену, без которой скучал. И матушка торопилась к нему, оставляя меня тосковать и мерзнуть в обществе старшего брата и нашей служанки, не позаботившись о дровах для камина и запасах провизии в кладовке.

– Решено! – объявила я и поставила стакан. – Мне не хочется закончить жизнь в фартуке служанки, если только в этом нет необходимости для спасения нашего наследства.

– *Моего* наследства, – уточнил брат.

– Извини, я забыла о законе, который не подозревает о существовании девушек, – произнесла я уже с иронией. – Ну, так расскажи мне о бароне. И я все-таки еще подумаю, хотя выбор у сироты-бесприданницы, прямо скажем, невелик.

Жак набрал в грудь побольше воздуха и рассказал следующее:

– Я провел небольшое расследование и вот что выяснил: барон Казимир Каде де Бопре – мужчина не первой свежести, но еще и не совсем развалина. У него есть земля, и он водит дружбу с дворянами, одержимыми охотой. Барон выращивает дичь и запускает ее в свои леса и рощи для развлечения гостей, которые ему платят за охоту. Его жена умерла родами, и ребенок тоже не выжил. Каде де Бопре терпеть не может своих племянников, и ему становится дурно от одной только мысли, что они могут унаследовать его имущество. Именно так оно и будет, если до того, как он перейдет в мир иной, провидение не дарует ему сына. Замок барона, десятки тысяч ливров ренты и земли с лесами, лугами и пашнями попадут в две пары жадных рук, ненавистных ему до дрожи. Одним словом, ты станешь баронессой, разодетой в шелка, и даже сможешь щеголять упряжкой лошадей.

– Но я не хочу мужа-старика!

– Заведешь любовника, дело обычное. Но сначала выйди замуж. Иначе кончишь свои дни в монастыре в колючей рясе или служанкой у мелкого лавочника.

– А я-то думала, что я хоть немного тебе дорога, – прошептала я, все-таки на что-то еще надеясь.

– Мне дорога мысль, что ты будешь есть хлеб, доставшийся тебе достойным образом, а не с помощью жалкого ремесла, какое заставит тебя и меня краснеть. Отец всегда считал тебя умнее меня, и, когда я был подростком, это меня бесило. А теперь тебе с твоим замечательным

умом самое время уразуметь, в чем настоящая польза, а не сидеть и упиваться смехотворной жалостью к себе.

Высказав все это, Жак не подозвал меня к себе. Не окликнул, когда я направилась к выходу. И я, молча повернув дверную ручку, тихо прикрыла за собой дверь, стараясь не показать ему обиды и гнева.

Как только я оказалась вдали от глаз братца, в присутствии которого должна была сдерживать свои чувства, поскольку отныне моя судьба находилась в его руках, я скорчила самую мерзкую рожу и зашептала самые мерзкие ругательства, какие только знала. Мариэтта – она все это время стояла за дверью, приложив ухо к замочной скважине, – попробовала меня утешить.

– Какой же он был хорошенький в золотых кудрях, – бормотала она, шмыгая носом. – Не узнаю я больше своего миленького Жака…

Мы упали друг другу в объятия и отправились вместе на кухню, где никто не увидит, как мы будем не спеша тянуть наливку, посасывать пьяные ягоды и курить трубочный табак бедного моего папочки. Мариэтта приобщила меня к радостям, запретным для благовоспитанных женщин, потому что сама не имела других утешений, кроме пороков. Ими она со мной и делилась.

Глава 2

«Аве Мария», — загудел большой церковный орган.

Я обвела затуманенным слезами взглядом сидящих на скамьях и ступила на дорожку центрального прохода рядом с мужем, на которого так и не решилась взглянуть. Передо мной расплывались фигуры, украшенные яркими бликами драгоценностей и атласными бантами. Драгоценности, как я знала, были по большей части фальшивыми.

По сведениям полицейских расследований моего брата, большинство женщин, из любопытства посещавших свадьбы, постарались заменить камни в своих украшениях грубыми подделками из стекла. Продавая бриллианты, они компенсировали безнадежную скупость своих мужей, а мужья, теряя с годами остроту зрения и интерес к своим благоверным, не замечали коварных ухищрений. И все были довольны друг другом.

После венчания – при свете свечей, догорающих в паникадилах, – за суетливо трепещущими веерами начали развязываться языки: как было не высказать своего мнения о таком неравном браке! Я слышала эти комментарии, и они больно меня задевали.

– Бедная заинька, – вздыхала старинная приятельница моей покойной матушки. – Как уляжется такой бугай ей на животик…

– Тсс!

– Везунчик! – скалил зубы тощий дворянин в потертом на локтях костюме, когда мы проходили перед рядами стульев.

Выпавшее на мою долю замужество внушало мне страх, но еще больше пугала участь беспомощной старой девы, доживающей свои дни в нищете. Признаюсь, мечты узнать любовную страсть в объятиях деликатного возлюбленного посещали мои девичьи ночи. Но никто никогда не приглашал меня ни на какие благородные сборища, и мне негде было повстречать молодого человека. А представив себя в шерстяном колючем мешке, запертой в тесной келье без утешения, которое приносит искренняя христианская вера, я отмела от себя последние сомнения.

«Отныне я баронесса Каде де Бопре», – подумала я и положила руку на согнутый локоть своего прихрамывающего супруга.

Однако положение мое было не таким уж завидным из-за скверной репутации, какую нажил себе барон. И дворянство его было настолько свежо, что при королевском дворе Людовика XVI его уж точно не ждали.

И вот, не имея возможности рассчитывать на внимание дамы, вхожей в Версальский дворец, барон остановил свой выбор на моей персоне, Лизелотте Люссан, много ниже его по происхождению, но молоденькой и с внешностью, достаточно привлекательной, чтобы вызывать зависть соседей.

Супружеские пары дворян-соседей отзывались о бароне как о человеке ясного ума с тяжелым грубым характером. Всех смущал и его стеклянный взгляд из-под припухших век со склеенными желтым гноем ресницами. К барону ездили изредка играть в карты и договариваться об охоте на диких птиц, которых он разводил. Их легко было убивать – выращенные в неволе, они не умели прятаться.

Я вошла в ризницу, чтобы обтереть лицо и шею надушенным платком. В тот же момент туда заглянул и мой брат. Очень довольный моим утвержденным церковью союзом, он не преминул мне сообщить, какому унижению подвергла барона одна очень знатная дама.

В достаточно отдаленное уже время барон Казимир Каде де Бопре проникся нежными чувствами к герцогине Аделаиде де Н. Он увидел ее – в седле, на лошади – в разгар охоты на куропаток, выращенных у него на птичьем дворе. Благородная всадница во время скачки по лесным тропам потеряла брошь с бриллиантами, которую получила в наследство от покойной матери. Казимир, горя желанием добиться расположения герцогини, приказал пройтись граблями по каждой лесной дорожке. Три дня подряд садовник и все слуги под дождем скребли эти дорожки, а их хозяин сладострастно мечтал заглянуть в глаза красавицы, уповая на ее благодарность и близость.

Увы! Брошь так и не нашлась.

Барон заподозрил своих слуг в том, что кто-то из них присвоил драгоценную вещицу, но надежды не утратил. Он отправился к известному ювелиру и купил у него аграф[5], украшенный крупными бриллиантами, не скрыв при этом, что предназначает его для мадам де Н. и ожидает от нее благосклонности. Знаток драгоценностей только приподнял бровь, услышав признание мужлана, настолько неискушенного, что позволил себе надежду улечься на простыни к женщине, которая ничего, кроме пренебрежительного презрения, испытывать к такому не может.

Между тем Казимир де Бопре написал герцогине, что нашел ее семейную реликвию. Герцогиня в сопровождении нескольких друзей почтила своим присутствием замок Бопре, желая поблагодарить ничтожного барона.

С подгибающимися от волнения коленками и потея, Казимир, разодетый в свой лучший красный с зеленым камзол, протянул герцогине кожаный футляр. Она открыла его и была удивлена, увидев другую брошь.

– Месье, – сказала она, захлопнув футляр, – вы заманили меня к себе басней. Но я никогда не приму и не надену подарок, который обратит герцогиню в должницу барона.

– Мадам, я надеялся вас обрадовать и сделать объектом восхищения в обществе…

Следующей фразой герцогиня добила и растоптала без того униженного Казимира:

– Не мне удостаиваться внимания поставщиков! Едемте, господа!

Свита герцогини смеялась. Герцогиня уехала. Барон остался залечивать нанесенные самолюбию раны и поклялся больше никогда не приближаться к тем, кто смотрит на него свысока. Не дано ему было утешиться и дуэлью с супругом герцогини, даже если бы он решился на это, так как до сведения барона не забыли загодя довести, что высокородные не снисходят до нижестоящих.

С тех пор барон довольствовался общением в своем кругу.

Ядовитые откровения брата, произнесенные над чашей со святой водой, разозлили меня до крайности, и я ему передала то, о чем успела узнать за это время: барон в округе вот уже долгие годы пользуется искренней дружбой знатных сельских дворян и вхож в образованный ими особый клан. Я не стала добавлять, что барон в шутку называет своих друзей «моя ком-

[5] Застежка в виде броши для причесок и платьев. – *Примеч. ред.*

пания аристократок». И оставив всякую вежливость, я потребовала, чтобы брат немедленно покинул ризницу.

Наш свадебный ужин был таким, как пожелал его устроить мой супруг. Он гордился своими экзотическими фруктовыми деревьями, поэтому стол был накрыт в оранжерее, пристроенной к его замку, находившемуся в долине Шеврёз. Оранжерея обогревалась двумя огромными дровяными печами, которые поддерживали удушливое тепло, полезное для растений.

Барон позаботился об угощении гостей лучшими винами и постарался дать им возможность попробовать редкие блюда, какие могут позволить себе только жители Нанта после возвращения торговых кораблей Ост-Индской компании: омлет с перченым зайцем, говядина по-султански[6], бекасы с маринованными фруктами, гусь по-фламандски, нафаршированный душистыми травами и пряностями. После этих острых блюд, от которых во рту так и горело, все пили полными бокалами пунш, чтобы погасить огонь в горле.

Было много смеха и по поводу новобрачных, и по причине опьянения от хмельных напитков. А когда принесли десерт – пирамиду ранних вишен, – все в восторге принялись за него.

– Как же такое возможно? Чтобы вишни, да так рано?!

Мой супруг в притворном смущении от стольких похвал поднялся и позвенел двумя хрустальными рюмками, прося тишины.

– О черт! – проскрипел мой брат. – Сейчас услышим сельскохозяйственную лекцию о выращивании любимой ягоды!

Жак ошибся наполовину.

Барон Казимир приготовил нам совсем другой сюрприз – появился лакей, держа палку, в которую вцепилась огромная птица с красными и зелеными перьями.

– Познакомьтесь, это Лара, – объявил барон, приглашая попугая перебраться к нему на руку. – Кое-кто из вас с ней уже знаком. Лара – говорящая попугаиха. Этих птиц любят дрессировать американские индейцы, превращая их в своих компаньонов.

Попугаиха ростом девяносто два сантиметра захлопала крыльями и, став вдвое больше, повергла гостей в опасливое изумление.

– Не бойтесь! – воскликнул мой супруг. – Это всего лишь трюк, чтобы произвести на вас впечатление. Лара очень послушна, и я весьма доволен успехами своей дрессировки. – Потом он повернулся ко мне и сказал: – Я ни за что не обману вас с другой, дорогая. Но Лара никогда со мной не расстается, так что супружество у нас будет все-таки втроем.

От жирного хохота гостей затряслись стекла оранжереи.

– Вам придется к этому привыкнуть, – продолжал барон бесцеремонно, – и научитесь беречь свои хорошенькие пальчики, которые Лара может испортить острым клювом. Она подруга ревнивая и большая собственница.

Я скромно улыбалась, чувствуя неловкость, а те, что наблюдали за нами, хохотали, хлопая себя по ляжкам.

– Но она, по крайней мере, не спит ночью в вашей спальне? – осмелилась я спросить, стараясь скрыть замешательство.

– Конечно, она со мной рядом и в спальне.

Барон положил руку на спину Лары. Птица мгновенно откинулась назад и улеглась на его ладонь, задрав кверху когтистые лапки.

– Ах! Ах! – восхитились все вокруг. – Какая прелесть!

Ободренный восторгом публики, которую он сумел заинтересовать, Казимир Каде де Бопре продолжил свою лекцию:

– Лара – юная девушка…

---

[6] В рецепте присутствует много гвоздики и лаврового листа, что не слишком поощряется современными вкусами.

– Так у вас будет две девушки в спальне! – закричал какой-то неотесанный мужлан.

Мой супруг изобразил снисходительную улыбку и снова заговорил:

– Образовав пару, попугаи ара живут вместе всю жизнь. Я слышал: если повезет, попугай может прожить и больше пятидесяти лет. И еще, друзья мои, у них отсутствует обоняние…

– Значит, пукай в кровати, сколько вздумается, – продолжал все тот же хам.

На этот раз Казимир одарил гостя кривой улыбкой, призывая помолчать и не прерывать его своими сальностями.

– И вы будете знать о попугаях практически все, если я вам скажу, что Лара понемногу учится разговаривать, и еще она правша и левша одновременно.

– Что ей позволяет…

– Довольно, – оборвал барон.

Затем он подал знак слугам, чтобы они освободили стол от тарелок драгоценного китайского фарфора, и объявил, что птица пройдется по столу и угостит каждого вишнями. И, хотя она сама очень любит вишни, а они весьма редки в это время года, не съест ни ягодки.

И попугаиха заковыляла по столу, отлично справляясь с ролью хозяйки, а вот гости, опасаясь ее клюва, не слишком радовались вниманию птицы.

Мой сосед по столу, уже несколько захмелевший, воспользовался возникшей относительной тишиной и сообщил мне шепотом, что мой супруг в подражание королевскому огороду тоже выращивает фруктовые деревья на шпалерах и настойчиво добивается от них урожая. Но плоды получаются горькие, кислые и некрасивые. Укладывать их в пирамиды невозможно, так что из них делают фруктовое пюре и дают ему красивое название «английское», «голландское», «монморанси» в зависимости от цвета и вкуса, чтобы скрыть, насколько неаппетитными были плоды-уродцы.

Я чуть не задохнулась от возмущения, вынужденная слушать невежу, который без малейшего стеснения передавал сплетни супруге хозяина дома, где он был гостем. Но я не успела высказать своего мнения, потому что барон постучал по хрустальному графину, вновь попросив внимания.

– Я и Лара обожаем вишни, и поэтому я приказал построить огромную теплицу для вишневых деревьев. Надеюсь, что они будут цвести и давать урожай не один, а два раза в год, так как теплицу будут топить с октября месяца.

Мой сосед кашлянул со значительным видом, взглянув на меня. И сказал, что, судя по всему, один только барон не замечает, что его плодовые деревья не приносят желаемого урожая. Однако работы уже оплачены, противоречить барону никто не решается, а он наверняка найдет какое-нибудь еще применение своему дорогостоящему сооружению, когда деревья там не приживутся.

Я в гневе приготовила убийственный взгляд, которым решила уничтожить невежу… Но он весьма своевременно запустил глаза в декольте своей соседки с другой стороны.

За окнами оранжереи понемногу сгущались сумерки, обнимая все вокруг темнотой и холодом, и барон пригласил гостей перейти в замок, где уже зажгли по его приказанию люстры с подвесками из богемского стекла.

Замок, построенный в стиле Людовика XIII, представлял собой прямоугольное здание с двускатной острой крышей и двумя четырехугольными башнями, увитыми диким виноградом. Кое-где среди зелени можно было увидеть красный кирпич и тесаный камень, которыми были обрамлены окна, смотревшие в парк с плакучими ивами, кедрами и столетними тюльпановыми деревьями[7].

[7] Лириодендрон тюльпановый – высокое дерево семейства магнолиевых. Его цветки напоминают бутон тюльпана – отсюда и название. – *Примеч. ред.*

Гости поднялись по ступенькам лестницы, ведущей в замок, не обращая ни малейшего внимания на его красоту и величие, и уселись за столы играть в трик-трак. Команды у этих завсегдатаев замка давно сложились, и никому из них в голову не пришло пригласить играть и меня. Я чувствовала себя одиноко и неуютно среди опьяневших, дурно пахнувших людей, которые слишком громко смеялись в гостиной с темными резными панелями и величественными портретами предков Каде де Бопре. Портреты эти нелицеприятно свидетельствовали о принадлежности изображенных на них как господ, так и дам к породе простолюдинов: богатство нарядов не отменяло толстых носов, коровьих глаз, тупых подбородков. И вот от меня ожидали улучшения этой породы тяжеловесов. Чудо, какое мне предстояло осуществить, показалось мне немыслимым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.